

О себе и о своих учителях

Человек – это цитата из его семьи.

Всё своё детство и юность мой папа мечтал стать капитаном волжского парохода. Но стал терапевтом, как его мама. Они вместе решили посмотреть эту огромную страну и, лёгкие на подъём, отправились в новые медицинские институты, которые открывались в Советском Союзе в 60-ые годы. Дальний Восток. Бухта Золотой Рог. Семипалатинск. Целиноград. В группе студентов, которых папа обучал основам пропедевтики внутренних болезней, оказалась девочка из маленького украинского городка, которая приехала на Целину чтобы стать врачом. Благодаря таким замысловатым географическим пересечениям я и появилась на свет.

От папы я с детства слышала воспоминания, которые хранились в нашей семье: о легендарных хирургах Миротворцеве и Герасимове, о терапевтах Николаеве и Варшамове. Маму же постоянно вызывали в родильный дом, и я всегда отвечала

друзьям родителей, что никогда не стану врачом, потому что не хочу, чтобы мой ребёнок сидел дома один.

Судьбу мою решил разговор, который я невольно услышала в детстве. К родителям приехала Валентина Ивановна Завьялова из того самого Владивостока, бухту которого я, посмотрев Рим и Париж, Цюрих и Вену, Венецию и Амстердам, до сих пор так и не увидела. «Как же это объяснить? – рассуждали взрослые тёплой летней ночью в ожидании трамвая. – Взрослый мужчина вдруг проснулся оттого, что в стакане на столе звякнула чайная ложечка. Он удивился: с чего бы это? А позже выяснилось, что именно в тот самый момент на другом конце Земли умерла его мать».

Я стала читать книги и научные сборники, которые бы раскрыли мне тайны психики. Помню лекцию профессора Холодова, который приезжал в Саратов. От всего веяло магией тайны, которую вот-вот должны раскрыть. Учёные считают, что человек использует головной мозг лишь на 3-5%. А для чего предназначены все остальные его возможности и резервы?

Я поступила в медицинский институт. Хотя сомнения были огромные: мне так нравилась литература. Тогда я не понимала, отчего. Формулировка пришла с годами. Человечество всегда пыталось задуматься над собой, что-то проанализировать, дать совет тем, кто принимает эстафету. Лучше всего мысли современников выражают писатели. Во имя чего живёт человек? Что способно примерить его с несправедливостью этого мира? Об этом думал Гамлет. О том, что может дать человеку вера, размышляли Достоевский и Толстой. С грустью смотрят на любимую ими жизнь герои Чехова. Мучаются от любви и не находят в ней счастья герои Бунина и Мопассана, Набокова и Куприна.

*Счастлив тем, что целовал я женщин.
Мял цветы. Валялся на траве.
И собак, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове...*

Свои мысли и чувства, страсть и тоску можно выразить рифмой. В пустой квартире я декламировала Блока и Маяковского, Есенина и Северянина, Цветаеву, Бродского,

Симонова, Мандельштама. Ритм завораживал. Мысли бередили. Неожиданно начала писать стихи.

...А тем временем в медицинском институте, строго спрашивая латинский и химию, не предлагали никаких разгадок влекущих воображение тайн. Но литературный институт Горького присланные стихи не оценил, для поступления на филфак нее хватало знания английского. И я, не отличаясь смелостью и настойчивостью, не решилась ничего кардинально менять. Я скучала в институте до пятого курса, когда студенческая конференция по психиатрии и доклад на ней Саши Бриля перевернула мир. Здесь говорили о гениях. Здесь цитировали писателей. Здесь тоже искали ответы на бередящие душу вопросы.

А их у меня было не мало. И уже осенью, прямо на лекциях по психиатрии, я осмелилась задать их Александру Львовичу Гамбургу. Вот бы поговорить с ним сейчас!

Он – только гораздо раньше – шёл по тому же пути. И ушёл по нему за эти годы далеко. Он радовался, находя созвучие с героями художественных романов и стоящих за ними авторами. Он тоже лелеял мечту стать филологом. Он считал, что со здоровыми людьми каши не сварить. А для того, чтобы сойти с ума, надо иметь субстрат, то бишь надо иметь то, с чего сходить.

Из всех направлений психиатрии меня больше всего заинтересовала транскультуральная психиатрия: почему уровень и характер психических болезней варьируют в различных странах, и даже среди представителей разных профессий?

Самоуверенности юности хватило на то, чтобы написать во Всемирную Организацию Здравоохранения. Председатель Департамента психиатрии ВОЗ Сарториус (из той самой Женевы, которую я в своей жизни позже всё-таки увидела!) выслал мне только что вышедшую книгу и назначил встречу в Москве. Но, к сожалению, тем всё и ограничилось, – второй раз в жизни подвело незнание английского языка. А рядом не нашлось человека, который мне бы объяснил, что там обязательно будет переводчик.

...А на филфаке университета тем временем открылась новая специализация – театроведения. Я находила время и три года увлечённо посещала эти занятия, которые вели Григорий Семёнович Цинман и Тамара Константиновна Лыкова... Театр я любила всегда. В основе любого театрального таинства – всё та же литература. Всё те же размышления о жизни. О счастье. О любви.

Может быть, режиссёры, воплощающие для своих заблудших современников замыслы мудрых классиков, более сведущи? Или актёры, которые проживают так много разных жизней? А сколь тонко чувствуют мир музыканты и певцы. Ведь музыка говорит даже тогда, когда уже не могут сказать слова. Но в словах – мысль. Что скажут писатели? Поэты? Журналистика – это отличный повод подойти с вопросами к Михаилу Козакову и Фуату Мансурову, Людмиле Зыкиной и Валентине Толкуновой, Александру Дзекуну, Александру Городницкому и Веронике Долиной, Елене Камбуровой и Александру Дольскому, Тимуру Шаову и Виктору Третьякову, Юрию Соломину и Алексею Слаповскому, Елене Ваенга и Олегу Митяеву, Александру Подболотову, Зурабу Церетели, Зурабу Соткилава, Игорю Бутману, Георгию Юнгвальд-Хилькевичу... И я не стесняюсь задавать людям вопросы, на которых сама не знаю ответа, да однозначных ответов на которые и нет: спрашиваю о смысле жизни, о вере, о творчестве, о любви.

И в какой-то момент мне вдруг стало интересно: а что думают об этом студенты Саратовского областного медицинского колледжа, в котором я уже шестнадцать лет работаю преподавателем? Задам-ка я им эти свои «детские» вопросы. Поставит ли наших девочек в тупик то, над чем, устав, уже перестало биться человечество? И вот уже несколько лет на занятиях мне высказывают свои собственные мысли о жизни и смерти, спорят друг с другом об истине и о любви. Вылавливают из интернета те аргументы, которые подтверждает их точку зрения. И пишут экспромтом, искренно и откровенно, о том, что думают и ощущают, не стесняясь самих себя.

И вы знаете, студенты, пусть иными фразами, но выражают мысли тех, чьи звучные имена привлекают к полосам в центральных газетах. Потому что, по большому счёту, люди похожи друг на друга. И всех нас – от олигархов до нянечек, от кинодив до санитарок – замыкает в себе один и тот же круг интересов. А высокие посты и дивиденды в швейцарских банках, коттеджи и личные шофёры, давая многое, не приносят, увы, той простой мудрости, от которой светилась душа не имеющей денег на новое платье Ассоль.

И пусть я не нашла ответа на вопрос: «Каким же всё-таки образом звякнула в стакане та чайная ложечка?»... А человечество, думаю, его так и не найдёт. Ибо, бороздя просторы космоса и разлагая атом, человек не способен выйти за рамки своего человеческого существования, чтобы посмотреть на самого себя со стороны. Окутав всю планетой паутиной интернета, развивая нанотехнологии, и даже клонируя самого себя, за двадцать семь веков человек так и не выполнил завет, плод совместных раздумий «семи великих мудрецов» Древней Греции, начертанный на стене храма Аполлона в Дельфах: «Человек, познай себя!» до конца.

Но люди пытались, пытаются и будут пытаться это сделать. И мне светло жить оттого, что о любви мне рассказывают Чехов и Мопассан. Оттого, что я понимаю страсть героев Набокова, но при этом мне есть, что возразить не ценящим и предающим любовь героям Бунина. Оттого, что я могу прочесть нелюбящим Маяковского студентам «Облако в штанах» или «Неоконченное» и они меняют своё мнение. Оттого, что иногда я нахожу отклик: например, все шесть человек из одной бригады однажды выучили и отлично рассказали мне наизусть поэмы Сергея Есенина: «Письмо к женщине» и «Чёрный человек». Что я могу пойти со студентами в ТюЗ и разделить с ними радость от «Дюймовочки» и «Аленького цветочка». Потому что я убеждена, что именно в сказках человечество передаёт другим поколениям истину.

А свою собственную истину я нашла в том, что мне интересно жить. Потому что у меня к этой жизни много вопросов, ответить на которые до самого её конца мне – к сожалению или к счастью? – так и не удастся. Потому что «...знаешь, хоть Бога к себе призови, /Разве можно понять что-нибудь в любви?» И потому что, несмотря на более, чем скромную зарплату, я порою ощущаю себя Крёзом, у которого весь мир в кармане. Потому что моё жизненное кредо кратко и ёмко выразил Экзюпери. И хоть фраза эта сегодня вышла из моды, но для меня и сейчас «Главная роскошь на земле – это роскошь человеческого общения». А я очень люблю людей. И мне жалко расставаться даже с попутчиками в поезде, что уж говорить о студентах. Моё же педагогическое кредо выражается принципом: **«Наука превращает человека в специалиста, а искусство делает специалиста человеком».**